

Он повернул голову, устремив взгляд на ветку цветущего абрикосового дерева, не отводя глаз, и послушно обнял Цзян Юаня.

Одна его рука легла на затылок Цзян Юаня, а другая обхватила его талию.

...Еще чуть-чуть, и он бы смог ухватиться.

Цзи Цзюэ был поражен этой узкой талией, инстинктивно опустил взгляд и увидел лишь макушку головы Цзян Юаня, обрамленную белой магнолией.

Он почувствовал, как множество взглядов устремилось в их сторону.

Император наконец подошел. Этот мужчина, изысканный и утонченный, с легкой улыбкой, излучающей властность, казался в хорошем настроении.

Он бросил взгляд в сторону Цзи Цзюэ, на мгновение задержал шаг, затем прошел мимо, но не ушел далеко, остановившись у абрикосового дерева рядом с Цзи Цзюэ.

Цзян Юань тоже не сидел спокойно, слегка пошевелился в объятиях Цзи Цзюэ. Тому пришлось сильнее сжать руки, удерживая его.

Волосы Цзян Юаня были слишком гладкими.

Император, похоже, пока не собирался уходить. Он обсуждал с окружающими период цветения, а затем перешел к обсуждению сельскохозяйственных работ.

Цзи Цзюэ, обнимая Цзян Юаня, наклонился к его уху и прошептал:

— Давай уйдем отсюда.

В глазах окружающих это выглядело как интимная близость. Хотя поза была ласковой, из-за неподходящего места она приобрела несколько непристойный оттенок.

Несколько взглядов украдкой устремлялись в их сторону, и Цзи Цзюэ вдруг почувствовал себя неловко.

Он полуобнял, полуподдержал Цзян Юаня и вышел с ним на улицу. Поскольку Цзян Юань был скрыт плащом, он шел очень медленно и осторожно.

Убедившись, что они вышли из поля зрения императора, он вздохнул с облегчением.

Он отпустил Цзян Юаня и сказал:

— Можешь выходить.

Цзян Юань выпрямился, сдвинул маску на лоб и хотел выйти, но споткнулся и снова упал в объятия Цзи Цзюэ.

Цзи Цзюэ инстинктивно поймал его.

Цзян Юань поднял плащ и засмеялся:

— Наши пояса переплелись.

Цзи Цзюэ опустил взгляд, но услышал, как Цзян Юань сказал:

— Не двигайся, я распутаю.

Он наклонился к поясу Цзи Цзюэ и вдруг замер.

Непреднамеренно переплелись нефритовое разомкнутое кольцо и нефритовый диск.

Диск как раз скользнул в разрыв кольца, словно часть головоломки.

Он протянул руку и распутал их.

Он встал, отступил на шаг и вышел из-под плаща.

Плащ Цзи Цзюэ был слишком толстым, и, прижавшись к его груди, Цзян Юань долго был скрыт внутри, отчего волосы на висках слегка намокли.

На его шее осталось несколько капель пота.

— Ты такой теплый, — сказал он.

Его улыбка была прекраснее любого света, будь то огни или звезды.

Император наконец завершил осмотр народных настроений и завел разговор с евнухом Чан.

Окружающие все еще вполголоса обсуждали ту парочку, которая вела себя так вызывающе.

— Этот юноша действительно красив, — сказал кто-то.

Послышались и несколько замечаний о «нарушении морали».

— Вы не знаете! Я пришел раньше, и тот, кого он обнимал, тоже был юношей!

Император покачал головой.

Евнух Чан с осторожностью спросил:

— ...Ваше Величество?

Император вздохнул с сожалением:

— Интересно, что бы почувствовали родители, узнав об этом... Вот что значит воспитание.

Евнух Чан кивнул в знак согласия.

Император прогулялся весь вечер, а затем тайно вернулся во дворец.

Однако он не ожидал, что снова увидит того юношу с праздника цветов.

— На дворцовом экзамене.

В этом году он лично составил вопросы для экзамена и выбрал нескольких наблюдателей, которые ему понравились, поэтому он задержался в Зале Фэнтянь.

И тут он увидел Цзи Цзюэ.

— Как его зовут? — спросил император.

Министр ритуалов Тянь Чжо посмотрел в направлении взгляда императора и ответил:

— В этом году столь юный кандидат, вероятно, только один. Должно быть, это Цзи Цзюэ из Цинчжоу.

— Какое место он занял на экзамене?

— Первое.

— Неудивительно, — произнес император, оставив Тянь Чжо в недоумении, не понимая, что он имел в виду.

— Неудивительно, что сразу после экзамена он осмелился на такое на улице... Молодежь.

В этом году на экзамене было много представителей знатных семей, и список лежал у него под рукой. Он повернулся и посмотрел в другую сторону:

— А это Тан Ань?

Тянь Чжо кивнул:

— Он. Занял второе место на экзамене. Несколько стариков поспорили из-за его работы и работы Цзи Цзюэ.

Император усмехнулся:

— Не из-за работ, я думаю.

Тянь Чжо смущенно потер нос и после паузы сказал:

— Работы действительно хороши.

Император посмотрел на Тан Аня и вздохнул:

— Золотой ребенок семьи Тан.

Тянь Чжо промолчал.

Министр обороны Чжо Ин вмешался:

— Ваши сыновья тоже не хуже.

Император усмехнулся.

Он окинул взглядом всех кандидатов и сказал:

— Я спущусь, посмотрю, насколько они хороши.

Он действительно прошелся по всему Залу Фэнтянь и остановился перед столом Тан Аня.

— Он писал о водных ресурсах.

Он использовал изысканные выражения, чтобы описать водные ресурсы, не теряя

практичности. Действительно талант.

Вероятно, чтобы сделать текст более красочным, все литераторы приложили немало усилий.

Император затем подошел к Цзи Цзюэ.

Он внимательно рассмотрел этого юношу, склонившегося над столом.

С его угла обзора было видно профиль юноши, он сжал губы, и его лицо было поразительно холодным.

В такую погоду он все еще носил теплый плащ... Императору стало жарко просто смотреть на него.

Император почувствовал, что Цзи Цзюэ выглядит иначе, чем в тот вечер.

Он попытался вспомнить выражение лица юноши тогда.

Хотя он тоже был серьезен, на его лице не было особых эмоций, но тогда он излучал мягкость и расслабленность, даже с едва уловимой долей застенчивости.

Теперь, с его холодным выражением, было трудно представить, что он был таким раскованным.

С интересом он заглянул в работу Цзи Цзюэ.

«Ваш слуга отвечает: ...»

«...Все, кто высказываются, говорят, что страна уже умиротворена и управляется. Но я считаю, что это не так.»

«Те, кто говорит о мире и управлении, либо глупы, либо льстивы, и не понимают истинной сути управления.»

«Подобно тому, как кто-то кладет огонь под кучу хвороста и ложится на нее, пока огонь не разгорелся, и называет это миром. Нынешняя ситуация ничем не отличается...»

Смелости ему не занимать. Император усмехнулся.

Он вернулся на трон.

Он не был из знатной семьи и не был связан с теми запутанными силами, которые возникают из-за лести и продвижения по службе.

Он был достойным простолюдином, но слишком необузданным, подумал император.

Цзян Юань весь день слушал музыку и взглянул на водяные часы.

— Дворцовый экзамен скоро закончится? — спросил он.

Люй Ци кивнула. Времени до конца экзамена оставалось действительно немного.

— Интересно, как он там, — с тоской произнес Цзян Юань.

Люй Ци, услышав его тоску, почувствовала мурашки по коже.

Цзи Цзюэ почувствовал головокружение.

Он почувствовал неладное.

Капля чернил упала на черновик.

Последствия ритуала с птицей все еще давали о себе знать, и Цзи Цзюэ упал в обморок в Зале Фэнтянь.

Он очнулся и увидел лицо Люй Ци, склонившееся над ним.

Люй Ци как раз накрывала его одеялом, повернулась и увидела, что он снова открыл глаза.

— Почему ты так быстро проснулся? — спросила она.

Цзи Цзюэ понял, что они с Цзян Юанем снова поменялись местами.

Он взглянул на водяные часы.

Экзамен еще продолжался.

Цзян Юань, заснув, увидел перед собой бумагу, чернила и кисть.

Он быстро осмотрелся.

Он ущипнул себя, чтобы убедиться, что это не сон.

Цзи Цзюэ почувствовал боль в левой руке, опустил взгляд и увидел след от щипка. Кожа Цзян Юаня была бледной, и красный след выделялся особенно ярко.

Он догадался, о чем сейчас думает Цзян Юань, и, поглаживая тыльную сторону руки, усмехнулся.

Цзян Юань, ущипнув себя, понял, что с ним происходит.

— Они с Цзи Цзюэ снова поменялись местами.

Только потом он вспомнил, что, ущипнув себя, он также причинил боль Цзи Цзюэ.

Он смущенно погладил место ушиба и подул на него.

Он начал просматривать работу Цзи Цзюэ.

«Эссе написано неплохо,» — подумал он.

Только на последних двух строках стихотворения была черная клякса.

К счастью, это был черновик.

Он начал переписывать эссе почерком Цзи Цзюэ.

Почерк юного Цзи ему был хорошо знаком, и он справлялся с задачей легко.

...До тех пор, пока не дошел до тех двух строк стихотворения.

Ведь Цзи Цзюэ еще не закончил их.

«Смотря на запад из столицы, вижу этот мир, девять потоков Великой реки и девять горных хребтов.»

Цзян Юань саркастически усмехнулся.

Это была задача продолжить стихотворение, первую строку написал император, а вторую — Цзи Цзюэ.

Первая строка «Смотря на запад из столицы, вижу этот мир» была взята из элегии, которую мало кто знал. Это была элегия императора по его покойной императрице.

Ее могила находилась в западном пригороде столицы.

Когда императрица умерла, Цзян Юань был еще мал, и он помнил только, как император пролил несколько слез и написал сентиментальное стихотворение.

Император действительно был самым лицемерным человеком на свете. Спустя годы строки, посвященные покойной жене, появились на экзамене.

Цзян Юань выдохнул.

Это был экзамен Цзи Цзюэ, а не место для его капризов.

Солнце уже садилось, до конца экзамена оставалось полчаса.

Он взял кисть и написал последнюю строку стихотворения.

<http://bllate.org/book/16201/1454033>